

Бронзино Любовь Юрьевна

доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии
Российского университета дружбы народов

Bronzino Lubov Yuryevna

D.Phil. in Social Science,
Professor, Social Science Department,
Peoples' Friendship University of Russia

Гребнева Валерия Евгеньевна

аспирант кафедры социологии,
тьютор по работе с аспирантами
Российского университета дружбы народов

Grebneva Valeriya Evgenevna

PhD student,
Tutor, Social Science Department,
Peoples' Friendship University of Russia

КОНЦЕПЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЛЯ И ДИСПОЗИЦИЙ ПЬЕРА БУРДЬЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

PIERRE BOURDIEU'S CONCEPTION OF LEGAL FIELD AND DISPOSITIONS IN THE CONTEXT OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM

Аннотация:

В статье рассматриваются эпистемологические возможности социального конструктивизма. Анализируются сложности, которые несет в себе конструктивизм применительно к конкретным исследованиям. Предпринята попытка преодоления излишнего субъективизма в принципе двойного конструирования социальной реальности, предложенном П. Бурдьё. Сквозь призму концептов поля, диспозиций и гомологации изучаются функционирование юридического поля и внутренняя логика развития права в современном обществе.

Ключевые слова:

социальный конструктивизм, акторно-сетевая теория, поле, диспозиции, юридическое поле, право.

Summary:

The article examines the epistemological resources of social constructivism. The authors analyse the challenges brought by constructivism when applied to some particular studies. The research deals with the attempt to overcome the excessive subjectivity by the principle of double construction of social reality proposed by Pierre Bourdieu. In the context of the concepts of field, dispositions and homologation the authors study functioning of the legal field and the intrinsic logic of the law development in the modern society.

Keywords:

social constructivism, actor-network theory, field, disposition, legal field, right.

Социальный конструктивизм: проблема конкретных исследований

Сегодня социальный конструктивизм значительно укрепил свои научные позиции и является одной из наиболее востребованных парадигм социального познания. Его эпистемологические возможности, казалось бы, должны интересовать все большее число исследователей. К этому должна «побуждать» и его исходная установка, согласно которой индивид вовсе не отражает реальность, а активно выстраивает, формирует ее разными средствами. В этом плане познавательно значимыми оказываются конкретные вещи, события, ситуации, определяющие специфику повседневности и доступные для наблюдения (изучения).

Можно констатировать, что наибольшую значимость конструктивизм имеет для понимания специфики собственно научной деятельности: как бы представители разных направлений ни относились к конструктивистской парадигме в целом, никто из них не может не признавать значимости личностных субъективных установок для формирования конкретной исследовательской программы – от выбора теоретической модели до аналитики и формулировки выводов. Здесь вовсе не обязательно быть приверженцем «радикального конструктивизма» или конструкционизма в духе Джерджена [1], однако «построение субъектом-творцом идеальных (как в математике или философии) либо материальных (как в архитектуре) конструкций, исходя из функционально необходимых задач в деятельности» [2], есть необходимый элемент научного познания, сколь бы реалистично-материалистический подход ни исповедовал исследователь.

Конкретные исследования в рамках социального конструктивизма остаются, однако, редкостью. Отечественная социологией он активно эксплуатируется в рамках изучения этничности и позиционируется как один из трех базовых подходов к ее анализу. Отношения гендерных исследований и социального конструктивизма оказались наиболее плодотворными: базовый концепт (гендер) сегодня однозначно трактуется как социальный конструкт, на основе этого выстраивается исследовательская модель. Оставив прочие подходы к гендеру истории, большинство российских ученых следует общепризнанной западной парадигме.

Сторонники качественного подхода в социологии провозглашают базовую для социального конструктивизма феноменологическую социологию своей теоретической основой, однако «забывают» об этой декларации, как только дело доходит до реализации проекта: теоретическая «подкладка» никак не влияет на ход исследования, оставаясь подразумеваемой, но слабо проявляющейся в способе анализа или характере выводов. «Настаивая на конструктивной природе человеческого сознания – социальное бытие существует лишь в актах придания ему смысла, его интерпретации, – феноменология принимает ряд базовых допущений в социологию знания» [3, с. 35], однако собственно поиск смысла и интерпретативных социокультурных кодов, получивший столь широкое распространение в многообразных вариантах западных studies, остается для отечественной науки экзотикой.

Неожиданное оживление в исследовании на основе социально-конструктивистской методологической программы внесли переводы Б. Латура – одного из виднейших теоретиков-конструктивистов, которого просто невозможно было не заметить, – слишком резкими и провокационными высказываниями он прославился. Его версия конструктивизма представляет собой акторно-сетевую теорию [4, с. 40–51], предлагающую изучение сетей непрерывно возникающих взаимодействий, в ходе которых социальные акторы оставляют заметные для внимательного социолога «следы», доступные непосредственному наблюдению. Заинтересовавшись «сетями» разного рода [5, с. 100–115], российские исследователи точно вписались в «прагматический переворот», сыграв новую сцену в «социологической драме "латуризации" российского академического сообщества» [6, с. 197–204].

Однако к тому времени, как в российской науке стали появляться такого рода исследования, социальный конструктивизм на Западе уже нужно было «преодолевать» – в нем усмотрели (и не совсем без оснований) излишний субъективизм. Сложными можно назвать отношения самого Латура с конструктивизмом. Выражение «научное конструирование социальных фактов» ему казалось корректным и естественным, пока не «стало мучительно ясно, что если мы хотим и дальше пользоваться словом "конструирование", нам придется сражаться на два фронта: с эпистемологами, по-прежнему заявляющими, что факты, "конечно же", не конструируются, ...и с нашими "дорогими коллегами", которые, видимо, думают, что если факты сконструированы, то они так же слабы, как фетиши» [7, с. 124].

Пьер Бурдьё: интеграция конструктивизма и объективизма

Масштабная задача совмещения конструктивизма и объективистской парадигмы оказалась по силам П. Бурдьё. Французский социолог не отвергает наличия в обществе детерминирующих индивида структур (отдавая должное структуралистским теориям), однако это не означает отказа в индивидуальной способности к действию. Здесь на помощь приходит конструктивизм, с помощью которого Бурдьё показывает, «что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями» [8].

Структуралистская (объективистская) парадигма реализуется в его концепции в виде принципа двойного структурирования социальной реальности. Во-первых, структурализм, как понимает его Бурдьё, признает существование объективных структур в самой социальной системе (а не только в таких символических системах, как мифы, язык и др.), которые не зависят от воли и сознания субъектов и способны ограничивать или, наоборот, стимулировать их стремления и действия. Во-вторых, сами структуры создаются постоянно обновляющимися социальными практиками агентов.

Конструктивизм для Бурдьё – утверждение социогенеза, в котором имеют место, с одной стороны, габитус – разные модели мышления, поведения, восприятия, а с другой – поля и группы, включая социальные классы. Конструктивизм основан на той посылке, что люди имеют predisposition вести себя тем или иным способом, исходя из приобретенного жизненного опыта, выступающего своеобразной матрицей социального действия. Вместе с тем она предоставляет свободу для импровизаций, адаптаций к социокультурным изменениям, возможным лишь в контексте жизненных практик самих людей. В этом процессе индивид формируется как по-настоящему практико-ориентированный оператор конструирования объектов социальной реальности.

Таким образом, восприятие социального мира формируется посредством двойного структурирования. Однако Бурдьё отмечает, что объекты могут восприниматься и выражаться разными способами, поскольку, будучи объектами природного мира, они всегда предполагают долю расплывчатости и неопределенности. Именно последняя, по мнению Бурдьё, образует базу плюралистического видения мира. Она сама объединяет множество разнообразных точек зрения с набором символических битв за формирование и принуждение к легитимному видению социального мира.

В теории Бурдьё встреча поля и габитуса выступает как основной механизм формирования социального мира. Габитус – «ментальные, или когнитивные, структуры», с помощью которых люди

действуют в социальном мире [9, с. 459], совокупность диспозиций действия, мышления, оценивания и ощущения. Габитус представляет собой характерное множество черт, диспозиций, приобретаемых человеком, то есть свойства, результирующие получение разнообразных знаний и жизненного опыта. В некотором смысле габитус – складывающиеся через первый опыт (первичный габитус), а позже через опыт взрослой жизни (вторичный габитус) социальные структуры, составляющие нашу субъективность, то есть то, как внешний мир интериоризируется в сознании индивида.

Диспозиция – предрасположенность чувствовать, воспринимать и рассуждать определенным способом. Чаще всего диспозиции интериоризированы из области бессознательного и приняты отдельным человеком благодаря объективным условиям его существования в его социальной траектории. Габитус необходим для того, чтобы предоставлять большое количество ответов на множество жизненных ситуаций. С его помощью воедино связываются прошлое, настоящее и будущее. Согласно структуралистско-конструктивистской концепции в будущем так или иначе находят отражение прошлые структурированные практики. Анализируя диспозиционную теорию личности, В.А. Ядов пишет: «В концепции П. Бурдьё диспозиции – продукт культуры, причем особой субкультуры некоторой общности. Это сугубо социологический подход, позволивший автору по-своему подойти к описанию социального расслоения в обществе, а именно – в виде своеобразной карты наподобие топографической, где социальное пространство заполнено многообразными топосами – скоплениями групп, обладающих схожим габитусом» [10, с. 357]. По мнению Н. Шматко, габитусы есть «воспроизводство внешних социальных структур под видом внутренних структур личности» [11, с. 64].

Бурдьё не только формирует основанную на интеграции конструктивизма и объективизма теоретическую модель, но и выстраивает на ее основе ряд теорий среднего уровня – например, собственную социологию языка [12]. Теория права, которое Бурдьё трактует как концепцию одного из полей, иллюстрирует эвристические особенности его теоретической модели, представляя возможности для специфического исследования соотношения морального и правового и объяснения предпочтения индивидом одного из этих двух (часто не совпадающих) мотивов действия.

Эвристические возможности интеграции: юридическое поле

Каждый индивид действует в одном или нескольких пространственных полях. На него влияют объективные отношения сил, свойственных этому полю, – власти и всевозможного «капитала». Поле представляет собой такую сферу социальной жизни, которая постепенно принимает социальные отношения, средства и цели, характерные только для нее и потому отличающиеся от других полей. Поле одновременно является полем борьбы между доминирующими и теми, над кем доминируют, и определяется неравномерным распределением средств. Люди, изменяя либо упрочняя положение в обществе, используют для этого соответствующую форму капитала (культурного, социального и экономического). Как об особой форме капитала Бурдьё говорит и о капитале юридическом: «Процесс концентрации юридического капитала сопровождается процессом дифференциации, который завершается становлением автономного юридического поля» [13, с. 146].

Бурдьё разграничивает понятия юридического поля как социального пространства и системы в лумановской трактовке [14, с. 8–11]. Так, в теории систем утверждается «самореферентность» «правовых структур», при этом смешиваются символические (собственно право) структуры и социальные институты, продуктами которых они являются. Ошибкой Лумана Бурдьё считает исключительно формальный подход к юридической системе: «Не проводя различия между собственно символическим уровнем норм и воззрений (то есть полем существующих позиций или пространством возможного), который... заключает в себе объективные возможности развития или даже векторы изменения, но не содержит принцип своей динамики, и уровнем объективных отношений между агентами и институтами, конкурирующими в борьбе за монополию устанавливать право, невозможно понять, что даже несмотря на то, что его язык заимствуется в пространстве занимаемых позиций, принцип изменения юридического поля заложен в нем самом, то есть в борьбе интересов, связанных с различными позициями» [15].

Таким образом, при помощи понятия юридического поля возможно преодоление инструментального и формалистского подхода. На нормальное функционирование юридического поля, по мнению Бурдьё, оказывают влияние отношения власти, которое определяет структуру поля, и внутренняя логика развития права. Поле, будучи ареной борьбы, включает и борьбу за монополию на толкование закона. Ее ведут между собой агенты, обладающие профессиональной компетентностью, которая заключается в «общественно признанной способности интерпретировать корпус текстов, санкционирующих легитимное видение мира» [16].

Социальный разрыв между «профанами» и «профессионалами» обосновывается процессом борьбы за монополию, которая выражается в увеличении дистанции между формально определенными правовыми нормами и наивными интуитивными представлениями о справедливости,

что в свою очередь подкрепляет процесс рационализации. Бурдьё указывает, что чувство несправедливости и восприятие человеком некоего опыта как несправедливого распределены в социальном пространстве неравномерно. Идентификация, осознание человеком несправедливости предполагают работу по конструированию социальной реальности и являются следствием осознания своих прав. «Рациональный или рационализаторский формализм права, который, вслед за Вебером, противопоставляется магическому формализму ритуалов и архаических процедур суда (таких как индивидуальная или коллективная клятва), способствует символической эффективности самого рационального права» [17].

Юридическое поле, как и любое другое, подчинено принципу структурирования реальности. По Бурдьё, принятие правил игры, согласие использовать право в урегулировании споров подразумевают отказ от всякого вида физического и символического насилия, например такого, как оскорбление. Если частное высказывание не имеет под собой символического принуждения, то судебный приговор, который ставит точку в споре, обладает высшей степенью авторитета, публичным и официальным статусом. Право распределяет среди агентов использование разного рода компетенций или возможностей – званий, свидетельств, санкционирует процессы, связанные с использованием, передачей, увеличением этих прав, тем самым легитимируя порядок. При помощи права в обществе распределяются объемы разнообразных видов капитала среди агентов и институтов, очерчиваются границы борьбы, создаются или разрываются союзы. Посредством права производится работа по «обустройству мира». «Право, безусловно, является наивысшей формой символической власти номинации, создающей именованные вещи и, в частности, группы. Реалии, возникшие в результате этих операций классификации, наделяются полной степенью постоянства – постоянства вещей, – какой один исторический институт способен наделить другие исторические институты» [18].

Стремление к рационализации и универсализации стиля жизни, признаваемое образцом для подражания, является одним из проявлений этноцентризма господствующих классов, как утверждает Бурдьё. На нем и идеологии основаны вера в универсальность права и стремление превратить его в инструмент изменения социальных отношений. Право, выступая в роли инструмента нормализации, будучи выражением дискурса власти, а также обладая набором средств легитимного принуждения, со временем может от ортодоксального статуса, то есть убеждения в том, что эксплицитно определено как должное, перейти к статусу доксы. Это означает непосредственное принятие нормы как само собой разумеющейся и естественной для данного общества.

Право – наивысшая форма активного дискурса, имеющая власть и реальные последствия. Оно является порождением социального мира и одновременно его конструирует. В то же время, по мнению Бурдьё, мы можем впасть в радикальный номинализм, полагая, что категории, которые мы производим и в соответствии с которыми конструируем социальный мир, его создают. На самом деле они – результат коллективной исторической работы, опирающийся на структуры самого мира.

Право устраняет неопределенность, привносит ясность и предсказуемость, не гарантируемые практическими принципами габитуса или санкциями обычая. Говоря, что кодификация при помощи специальных правил и формальных норм управляет поведением, Бурдьё вводит понятие гомологации, означающей «соглашаться» или «говорить на том же языке». Таким образом, «...формальное изложение принципов делает возможной эксплицитную верификацию консенсуса относительно принципов этого консенсуса (или диссенсуса). И хотя кодификационная работа не может быть уподоблена аксиоматизации по причине того, что право включает в себе многие темные зоны, оправдывающие существование юридического комментария, гомологация создает условия для некой формы рационализации, понимаемой, вслед за Максом Вебером, как предсказуемость и просчитываемость» [19].

Поясняя понятие гомологации, Бурдьё приводит пример двух игроков, которые обвиняют друг друга в нечестной игре при любой несогласии во взглядах. В отличие от этого люди, действующие в рамках формального права, могут рассчитывать на норму, имеющую обязательный характер для всех, и в соответствии с ней просчитывать свои поступки и рассчитывать на определенный результат. Однако в наибольшем объеме преимущества гомологации открываются для тех, кто сам принадлежит к юридическому миру и использует такую формальную норму, как инструмент. Очевидно, что людям, не обладающим такой компетенцией, остается лишь подчиняться символическому насилию, применяемому теми, кто благодаря умению манипулировать юридическими формами может склонять право на свою сторону.

Таким образом, в полипарадигмальном пространстве современной социологической мысли для анализа морально-правовых аспектов сознания базовые идеи П. Бурдьё могут выступать в роли социокультурного каркаса исследования на примере ситуации морально-правовой дилеммы. В теории, предложенной П. Бурдьё, обосновано, что посредством права производится

«работа по обустройству мира». Право выступает в роли наивысшей формы символической власти номинации, создающей именованные вещи и группы. Реалии, возникшие в результате этих операций классификации, наделяются полной степенью постоянства.

В случае применения теории Бурдьё к изучению ситуации выбора важно то, какими ресурсами располагает социальный субъект. Ресурсы – знания своих прав, наличие готовности ими пользоваться либо «путь наименьшего сопротивления», руководство обобщенным «чувством справедливости» или «золотым правилом нравственности». Обладая теми или иными ресурсами и находясь в рамках определенной ситуации, индивид может навязывать собственное видение решения проблемы либо подчиняться обстоятельствам.

Ссылки:

1. Джерджен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика [Электронный ресурс] // Образовательные практики: амплификация маргинальности : сборник / под ред. А.А. Забирко. Минск, 2000. URL: <http://charko.narod.ru/tekst/alm4/dg.html> (дата обращения: 10.05.2016).
2. Петренко В.Ф. Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/?id=338&Itemid=52&option=com_content&task=view (дата обращения: 10.05.2016).
3. Иванова А.С. Феноменология и социальный конструктивизм // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2014. № 3. С. 34–41.
4. Бронзино Л.Ю. Социолог на руинах социального (Бруно Латур и его методологическая программа) // Личность. Культура. Общество. 2013. Т. 15, № 3. С. 40–51.
5. Артюшина А.В. Акторно-сетевая теория в бездействии: стратегии и ограничения антропологического исследования российской лаборатории // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII, № 2. С. 100–115.
6. Константинова М., Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества : рецензия на книгу // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 197–204.
7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.
8. Бурдьё П. Начала. *Choses dites* [Электронный ресурс] / пер. с фр. Н.А. Шматко. М., 1994. URL: <http://bourdieu.name/book/export/html/3> (дата обращения: 10.05.2016).
9. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб., 2002.
10. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е изд., расшир. М., 2013.
11. Шматко Н.Д. Социологическое пространство Пьера Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2.
12. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Harvard, 1991.
13. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика : сборник статей. СПб., 1999.
14. Бронзино Л.Ю., Курмелева Е.М. Предмет и методы социального познания: версии Бруно Латура и Никласа Лумана // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2008. № 2. С. 8–11.
15. Бурдьё П. Власть права. Основы социологии юридического поля [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3040#contents> (дата обращения: 10.05.2016).
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.

References:

1. Gergen, KJ 2000, 'Social Construction and Pedagogical Practice', *Educational Practice: amplification of marginality: Collection*, Minsk, retrieved 10 May 2016, <<http://charko.narod.ru/tekst/alm4/dg.html>>.
2. Petrenko, VF 2016, *Constructivism as a new paradigm in the human sciences*, retrieved 10 May 2016, <http://vphil.ru/?id=338&Itemid=52&option=com_content&task=view>.
3. Ivanova, AS 2014, 'Phenomenology and social constructivism', *Bulletin of Moscow State Open University. Series: Philosophy of Science*, no. 3, p. 34-41.
4. Bronzino, LY 2013, 'Sociologist on the ruins of social (Bruno Latour and his methodological program)', *Personality. Culture. Society*, vol. 15, no. 3, p. 40-51.
5. Artyushina, AV 2010, 'Actor-network theory of inaction: strategies and limitations of anthropological research laboratory', *Russian Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XIII, no. 2, p. 100-115.
6. Konstantinova, M & Latour, B 2015, 'Science in action: following the scientists and engineers in society: the review of the book', *Anthropological forum*, no. 24, p. 197-204.
7. Latour, B 2014, *Rebuilding Social: introduction to actor-network theory*, Moscow.
8. Bourdieu, P 1994, *Origins. Choses dites*, Moscow, retrieved 10 May 2016, <<http://bourdieu.name/book/export/html/3>>.
9. Ritzer, G 2002, *Modern sociological theory*, 5th ed., St. Petersburg.
10. Yadov, VA 2013, *Self-control and prediction of social behavior personality: dispositional concept*, 2nd ed., Moscow.
11. Shmatko, ND 1998, 'Sociological space of Pierre Bourdieu', *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 1, no. 2.
12. Bourdieu, P 1991, *Language and Symbolic Power*, Harvard.
13. Bourdieu P 1999, 'States Spirit: Genesis and structure of the bureaucratic field', *The Poetics and Politics: a collection of articles*, St. Petersburg.
14. Bronzino, LY & Kurmeleva, EM 2008, 'The subject and methods of social cognition: the version of Bruno Latour and Niklas Luhmann', *Proceedings of the higher educational institutions. Sociology. Economy. Policy*, no. 2, p. 8-11.
15. Bourdieu, P 2016, *The power law. Fundamentals of the legal field of sociology*, retrieved 10 May 2016, <<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3040#contents>>.

16. Bourdieu, P 2016, *The power law. Fundamentals of the legal field of sociology*, retrieved 10 May 2016, <<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3040#contents>>.
17. Bourdieu, P 2016, *The power law. Fundamentals of the legal field of sociology*, retrieved 10 May 2016, <<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3040#contents>>.
18. Bourdieu, P 2016, *The power law. Fundamentals of the legal field of sociology*, retrieved 10 May 2016, <<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3040#contents>>.
19. Bourdieu, P 2016, *The power law. Fundamentals of the legal field of sociology*, retrieved 10 May 2016, <<http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3040#contents>>.